

СЕРДЦЕ БИПА ОСТАЛОСЬ В ТАШКЕНТЕ

Вам повезло. У Марселя сегодня отличное настроение. Он сказал, что даст интервью сразу же после спектакля, — обрадовал нас мсье Ален Манжель, — им-прессарио-администратор гостящих сейчас в Ташкенте двух французских мимов Марселя Марсо и Пьера Вери. — Впрочем, у него в Ташкенте все эти дни прекрасное настроение. Его очаровал ваш город. Ваши мужественные люди. Я побывал с Марселем во многих странах мира и могу смело сказать, что здесь он выступает с каким-то особенным подъемом. Он вкладывает в каждый свой жест, в каждое движение все тепло и сердечность своей души. Есть такое выражение — контакт со зрителем. Так вот, этот самый контакт у Марселя с вашей публикой — просто превосходный.

Пантомимой «Мастера масок» закончилось второе отделение. Но еще долго зрители не отпускали Марселя Марсо и его коллегу Пьера Вери со сцены.

Нам — ташкентскому поэту, сотруднику журнала «Узбекистан» Дмитрию Полинину, московскому инженеру проектировщику Всеволоду Панкову, бегло говорящему по-французски и любезно согласившемуся быть нашим переводчиком, автору этих строк — пришлось довольно долго переминаться с ноги на ногу в ожидании затишья аплодисментов.

Наконец, потухли огни рамы. Оживленный и радостный, подтянутый и бодрый, словно и не было у него за плечами изнурительного, требующего полной отдачи сил двухчасового выступления на сцене, Марсо входит в свою артистическую уборную. И только здесь, вблизи, увидев бисеринки пота, обильно пробивающиеся сквозь слой грима, услышав его учащенное дыхание, начинаешь понимать, сколь велик труд популярнейшего мима современности. Марсо накинул на плечи халат, сделал несколько глотков крепкого чая и сам начал разговор.

— У меня и в самом деле все эти дни прекрасное настроение.

Какие-то труднообъяснимые, но очень возвышенные чувства владеют мной. Дыхание героического, аромат сердечной теплоты, особенно тонко чувствуемые в минуты высоких драматических коллизий, кажется, витают в самом ташкентском воздухе.

Я очень рад тому, что еще в Париже, обговаривая маршрут гастрольной поездки в СССР, решил побывать в вашем городе.

— А вас не отговаривали?

Марсель улыбается: — Если по-честному, — отговаривали. Вплоть до последнего момента. И уже в аэропорту Бурже. Но я не мог не побывать в Ташкенте. Мне очень захотелось приехать в ваш город, переживший столько тревожных дней и ночей. Увидеть ташкентцев, стойко переносящих невзгоды стихии. Улыбаться биние их мужественных сердец. Мне захотелось молчанием своих пантомим высказать самые искренние слова о любви к Ташкенту и его людям.

— Каков ваш дальнейший маршрут?

— В прошлом году мои гастроли в СССР продолжались почти месяц. Нынешняя поездка, которую я начал 22 июля выступлением в Ташкенте, будет более продолжительной — до 8 сентября. Мы с Пьером Вери, Аленом Манжелем и директором сцены Луи Тома собираемся побывать в Баку, Ереване, Тбилиси, Кишиневе...

— Мсье Марсо, несколько слов о вашей творческой лаборатории. Как создаются пантомимы?

— О, это долгий и нелегкий процесс. Иногда замысел пантомимы рождается со случайно подсмотренного штриха, понравивше-

полнобилось ташкентскому зрителю. А...

— О, я тоже их полюбил. Французы не любят слова «невозможно». Но в данном случае я просто не могу найти подходящего слова, которое наиболее точно передало бы все мои чувства. Ваши зрители глубоко симпатичны мне. И я со своими коллегами, чтобы внести хоть какую-то свою скромную лепту в строительство нового Ташкента, решили одно представление дать в фонд Ташкента. Одним словом, сердце Бипа осталось здесь, в Ташкенте.

Марсель Марсо достает из чемодана снимок, сделанный в Лондоне в ателье известного мастера Даррела Армстронга. Того самого Армстронга, который женат на английской принцессе Маргарет. Он размахисто пишет на куртке лукавого Бипа: «Читателям «Правды Востока» самые искренние мои пожелания и мой самый горячий привет. Марсель Марсо. Ташкент, июль 1966 года».

Э. СЕРГЕЕВ.

гося мне жеста или движения. Современное искусство требует современного звучания. Поэтому я всегда пристально приглядываюсь ко всему, что происходит вокруг меня. Людям о людях надо рассказывать, находясь в гуще людской жизни. Пантомиму не создашь, сидя на необитаемом острове. Но, подсмотрев ту или иную деталь, ее потом надо еще долго гранить, чтобы она из необработанного алмаза превратилась в бриллиант. И лишь тогда подмеченная деталь (уже не в лоб, а преломленно) засверкает оттенками лукавого озорства, искрящего юмора, трогательной грусти. И, конечно, найдя правильное решение, приходится много трудиться над созданием образа. Отсекать, как образно выразился один скульптор, все лишнее. Ведь язык жестов тоже должен быть лаконичным. Даже в своей немоте он не терпит многословия.

— Мсье Марсо, ваше искусство